

ТЕАТР им. Маяковского — это имя, это постоянный зритель, это определенный стиль. Спектакли главарей сделаны «весомо, грубо, зримо». Выразительная лепнина мизансцен, отчетливость и крупность интонаций. Энергия актеров направляется в зал с напористостью прожекторного луча. Театр яркий и определенный.
— Андрей Александрович, ходят слухи, что вы диктатор. И в то же время актеры очень редко от вас уходят. Им у вас хорошо?

ребенок такое увидит, то будет всю жизнь заикаться. Он не видел маму в этом качестве, и не должен видеть. Вот вам — массовая культура.

А театр обращается к душе человека. Театр — это исповедь, и на наши исповеди ходят. Единственное, чем можно сейчас привлечь зрителя, — искренность.

Знаете, мне кажется, что русский драматический театр — это тот приоритет, в который нельзя плевать и кото-

— Гончаров решил ставить на молодежь?

— Я всегда ставил на молодежь. Просто они состарились... В этот театр пришли совсем молодые Джижухиян, Гундарева, Фатюшин, Костюлевский — мои выпускники. Кроме того, я приглашаю молодых режиссеров.

— Ваш театр имеет свой стиль. Когда вы приглашаете режиссера «со стороны», вы учитываете возможность сочетания или несочетания чуждо стилистического?

это было одно, теперь — совсем другое. Время идет, и зритель меняется. Так очень часто умирают спектакли.

Например, когда я прочел повесть «Завтра была война», то не сдержал слез. Потом поставил спектакль. О своей школе и о нашей молодости. А сегодня идет новые войны, и спектакль снят с репертуара.

— А что сейчас своеобразно?

— Играем спектакль по пьесе Максимова «Кто боится Браздери?». Мы хотим поговорить о том, что, видимо, не следует бежать от самого себя, тем более художнику. Интересно, что это исповедь Максимова, человека с благополучной судьбой, как кажется... Вторая наша премьера — Мрожек «Горбун». Спектакль о нашей главной беде, о нетерпимости. Она заложена в человеческой природе, да еще за 70 лет воспитана.

— А в красивой и светлой жизни?

— У Шекспира есть пьеса «Как вам это понравится?». Мы будем ее ставить. Как хорошо убеждать в леса — любить, искать добро, дружить... на планете. В экологически чистом воздухе, когда все кругом отравлено...

— Андрей Александрович, я знаю, ваш театр поедет на гастроли в Израиль, и спектакли, которые вы будете там показывать, отбирали сами израильтяне. Что они отобрали?

— «Леди Макбет Мценского уезда» и «Закат». Но для нас эти пьесы не о евреях, а о России. Там могли быть грузины, русские — совершенно неважно...

А в ответ в марте — апреле Камерный театр из Тель-Авива привезет нам свои спектакли и будет играть на сцене Академического театра им. Маяковского. Как вы думаете, что они привезут?

— Что-нибудь из русской жизни. Чехова, например...

— Совершенно верно. И наш Михаил Козаков на иерите будет играть Тригорина. Вот так. Они нам — про русских, мы им — про евреев... Смешно...

В театре Маяковского кризиса не было и нет. Ему просто неоткуда взяться.

Мария БОГАТЫРЕВА.

● ГДЕ НЕТ КРИЗИСА

ГОНЧАРОВ И ДРУГИЕ

— Не знаю. Им интересно. А слухи о моем диктаторстве сильно преувеличены. Сегодня даже политические деятели стараются выглядеть демократично. От меня же не только не уходят, но и приходят — Леонов, Самойлов, Татьяна Васильева.

— Трудно работать с актерами-звездами?

— Да ведь они стали звездами благодаря театру. Когда Гундарева пришла сюда, она еще не сыграла «Банкрота», с которого началась ее звездная карьера. И Джижухияном не был сыгран Леонид...

— Разве в звездности актеров виноват театр, а не кино?

— Кино приносит популярность. Теперь это чаще массовая культура, это совсем другое. На экраны они в основном тиражируют то, что приобретают в театре. В кино теряется процесс: вместе трех с половиной часов непрерывного действия и отдачи энергии в театре — короткое пребывание в кадре. Актеры возвращаются со съемок раздраженными, и это понятно — тот это, понимая. Театр кинематографу потому и не становится театром. На заре туманной юности я руководил им, и Джиж, который до меня был там главным, говорил о типе: «Это 270 несостоявшихся актерских судеб». В кино их выжидают и выкидывают...

— Вы считаете, что театр — не массовая культура?

— Нет, конечно. Массовая культура сегодня бескультурна. Я тут утром включил телевизор, и мне под предлогом аморальной жизни американского сенатора показали такой ракурс дамы... Если

рым надо пользоваться. Наш психологический театр и наша театральная школа — вот то немногое, что осталось русской культуре. Я секретарь союза, и этой весной мы третий раз соберем Подиум — своеобразный смотр всех школ. И опять выяснится, что если кто-то хорош — то он ученик русской школы.

Чтобы актеры могли каждый вечер отдавать залу энергию — эту энергию надо воспитывать, культивировать их надо учить такой отдаче. Мы взяли много молодежи в театр, на нее сегодня в театре надо делать основной акцент.

— А я учеников приглашаю. У меня ставят Петр Фоменко, Сергей Яшин, Татьяна Ахрамкова...

— Я в прошлом сезоне видела, как перед входом в театр стояла толпа и продавала билеты на «Уроки музыки». На других спектакли билеты спрашивают, а на этот — продают. Вы не будете снимать спектакль?

— Тут очень важна своевременность спектакля. Петрушевская — очень талантливый зритель, но этой «чернухи» мы уже так наглотались, что захлебнулись в ней. Когда я увидела этот спектакль у гитовеца Сергея Арцыбашева —